

А.В. Громов (Санкт-Петербург)

**КАЗНОЗАРЯДНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ БУХАРЫ
В 1880–1890-х ГОДАХ (К ВОПРОСУ
ОБ АТРИБУЦИИ ДВУХ ОРУДИЙ
ИЗ ФОНДА ВИМАИВиВС)**

В ФОНДЕ материальной части артиллерии Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится множество интереснейших образцов трофейных орудий из самых разных стран мира, среди которых особенно выделяются два необычных по отделке и технологии производства орудия, изготовленных в Средней Азии в конце 90-х гг. XIX столетия или, возможно, в начале 1900-х.

Эти орудия (инв. № 010/132 и 014/1) замечательны в силу ряда технологических особенностей своего устройства и представляют собой интересный материальный источник по эволюции артиллерии и военных формирований стран Средней Азии. Традиционное подражание мастеров Бухары и Коканда ¹ артиллерии европейцев (как англичан, так и русских) в этих орудиях достигает предела, и, очевидно, оба указанных ствола превосходят по своей сложности большинство гладкоствольных дульнозарядных пушек, сделанных местными мастерами в 60–70-х гг. XIX в.

Правда известно, что у бухарцев и в середине 60-х гг. XIX столетия уже имелись дульнозарядные *нарезные* орудия местной выделки (например, образец такой пушки работы очень известного у бухарцев артиллерийского мастера Пир-Назара даже находится в экспозиции ВИМАИВиВС) ². Бухарский мастер не только сделал это орудие максимально легким и длинноствольным, но и устроил в стволе нарезы, напоминающие систему Лагита (рис. 1). Но вот орудий казнозарядных, пусть гладкоствольных и упрощенной,

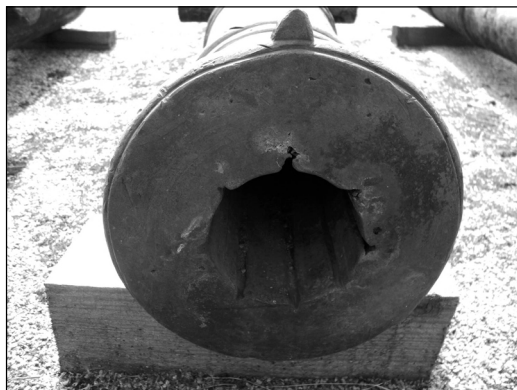

Рис. 1. Бухарское нарезное орудие (инв. № 03/23) работы артиллерийского мастера Пир-Назара

ше, чем с 90-х гг. XIX столетия, но и не позже, чем с 1904–1905 гг.³ Так что происхождение этих пушек не совсем ясно и вызывает массу вопросов. В какой период эти орудия изготовлены, кто из русских (или английских) военных специалистов участвовал в их создании и, наконец, что же именно эти вышеназванные стволы орудий могут собой представлять? Ответ на эти вопросы мог бы дать как осмотр самих орудий, так и анализ русских источников, посвященных русско-бухарским военным (в т. ч. и техническим, производственным) деловым контактам на рубеже XIX и XX вв. Именно эта работа в фонде материальной части артиллерии музея и послужила материалом для написания данной статьи.

Уже первичный осмотр орудий показал, что стволы целиком идентичны и по отделке, и по устройству казенной части. Кроме того и калибр, и размеры данных орудий соблюдены почти всюду до миллиметра, что характерно для заводского артиллерийского производства, но не кустарной грубой отливки, столь характерной для Бухары еще в середине 1860-х гг.

Ствол бронзовый, простой, без нарезов, казнозарядный, напоминает ствол русской 2,5-дюйм. горной пушки обр. 1883 г. (рис. 2 и 3).

У дульного среза – литое утолщение и мушка, на средней части – цапфы с заплечиками. В расширенной казенной части ствола расположен железный горизонтальный клиновый затвор и запальное отверстие с винтовой нарезкой для установки и крепления в нем

полукустарной выделки, в Бухарском ханстве в этот период не наблюдалось.

Меж тем, из фондовой картотеки ВИМАИВиВС явно следует, что два указанных орудия были захвачены в Бухаре в сентябре 1920 г., а до этого находились там, в арсенале эмира уже в течение очень долгого времени. То есть не раньше

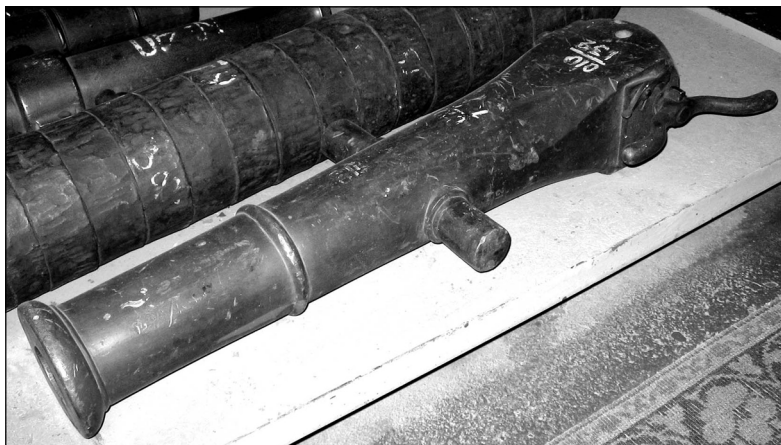

Рис. 2. Ствол бронзовой гладкоствольной казнозарядной бухарской пушки (инв. № 010/132), сделанной в арсенале Бухары ок. 1904 или 1905 гг.

**Рис. 3.
Ствол бухарской казнозарядной пушки (инв. № 010/132).
Вид с казенной части**

**Рис. 4.
Ствол бухарской казнозарядной пушки (инв. № 010/132).
Вид слева, видна конструкция клина замка орудия**

запального стакана. С правой стороны к казенной части привинчена прямоугольная скоба с отверстием для крепления стоечного прицела. На стволе – раковины, забоины и следы окисления.

Затвор у обоих рассматриваемых орудий – цилиндро-призматический, примитивный, грубый; заклинен намертво в запертом положении (рис. 4).

Как показал осмотр одного из орудий (инв. № 010/132) – сам клин затвора отлит практически как болванка и не имеет ни лицевой пластины, ни обтюрирующих устройств. Все остальное (как то – лицевая доска, механизм запирания и т. д.) – идентично с горным орудием обр. 1883 г. и, очевидно, является непосредственным подражанием русскому прототипу (рис. 5, 6 и 7). Устройство клина ствола орудия с инв. № 014/1, по всем признакам идентично первому. Длина ствола – 80 см. Вес – 70 кг. Цапфы – по центру, ближе к казенной части.

Как видим, устройство клина затвора не позволяет отождествить два указанных образца с призматической формой клина орудия обр. 1867 г. (такого типа орудия – 4- и 6-фунт. – применялись

Рис. 5. Русская 2,5-дويم. горная пушка обр. 1883 г.

при покорении русскими Туркестана в 60-х – 70-х гг. XIX столетия). То есть – орудия не могли быть отлиты и обработаны в тот период, но изготовлены явно позже, когда кампании в Средней Азии были Россией завершены. Русских орудий (тем более – современных казнозарядных) войска туземцев в бою не захватывали – за исключением двух горных 4-фунт. пушек обр. 1867 г. в Геок-Тепе ⁴. То есть возможность ознакомления туземцев с русской материальной частью в этот период здесь совершенно исключена. Сделать орудия новых типов, к тому же *серией*, бухарцам было возможно только с прямым участием русских или английских военных специалистов.

Участие англичан явно следует исключить – уже в начале 1880-х гг. Бухара безраздельно входила в орбиту русской внешней политики. Так что военная подготовка и обучение войск эмира в этот период осуществлялись русскими. К эмиру прибыли русские офицеры и унтер-офицеры (в т. ч. группа артиллеристов) во главе с полковником К.В. Церпицким ⁵. Почти синхронно, распоряжением туркестанского генерал-губернатора войскам эмира была подарена тысяча винтовок сист. Бердана № 2, а также тысяча

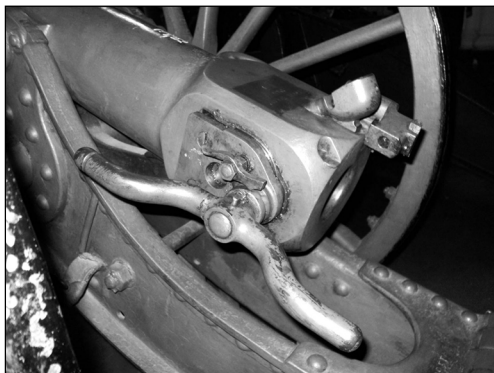

Рис. 6. Казенная часть русской 2,5-дюйм. горной пушки обр. 1883 г. Вид слева

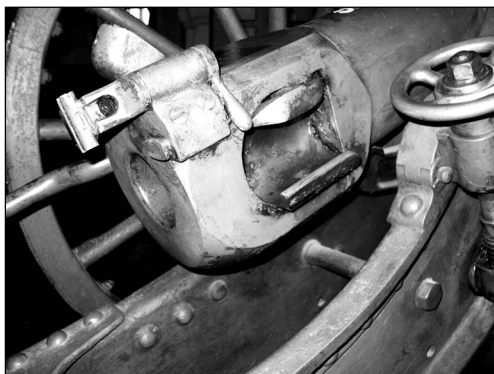

Рис. 7. Казенная часть русской 2,5-дюйм. горной пушки обр. 1883 г. Вид справа

патронов⁶. Именно русские офицеры стали готовить полномасштабное производство боеприпасов и материальной части на территории Бухары.

Вся артиллерия войск эмира уже к 1890-м гг. состояла из одной конной батареи, вооруженной шестью 12-фунт. пушками при шести ящиках, в Бухаре. И одной батарее того же состава у гиссарского бека. Кроме того – в цитадели было навалено беспорядочно 20 медных единорогов, 40 чугунных и бронзовых вьючных орудий, 15 мортир и другое имущество. Правда лишь 30 из этих пушек имели упряжь⁷.

С прямой подачи и при поддержке русских военных специалистов на территории Бухары (в Старом городе, в цитадели) было налажено производство орудий, создан новый пороховой завод (вместо старинных архаичных *абджуас-голосия*) и развернулось фабричное производство. Производились снаряды, артиллерийский порох, а также винтовочные патроны (к упоминавшимся уже винтовкам Бердана) и капсюли⁸. Но вот о пушках новых конструкций в этот период упоминаний нет.

Лишь в 1904 г. государь император Николай II подарил эмиру четыре 2,5-дюйм. горных орудия обр. 1883 г., очевидно и послужившие прототипом для создания упомянутых горных пушек туземной выделки. Эти орудия вошли в состав гвардейской конногорной батареи эмира. Еще две пушки данного образца артиллерия Бухары получила уже позднее, в 1909 г. Впрочем, прислуга этих орудий (как и всех прочих в Бухарском ханстве) производила только учения *близ орудий*, но без стрельбы⁹.

Именно этот дар Николая II эмиру и следует полагать настоящей отправной точкой для появления в Бухаре гладкоствольных горных орудий (казнозарядных) местного производства. Таким образом, атрибуция двух указанных образцов из собрания Артмузея может считаться законченной и вполне достоверной. Малосерийная партия таких пушек могла быть выпущена не ранее 1904 и не позднее 1910 гг. Ни количество экземпляров, ни характерные для подобных горных орудий особенности матчасти доподлинно не известны. Но сам процесс становления и развития войск эмира (в т. ч. и модернизации артиллерии) в тот период был абсолютно аналогичен тому процессу, что проходил и в войсках афганцев под руководством и при содействии англичан¹⁰.

Лафеты обеих пушек не сохранились, но руководствуясь типологией тех лафетов, что появились в войсках эмира после сражения при Ирджаре (8 мая 1866 г.), мы все же можем судить об этом с определенной долей уверенности.

Лафет, судя по всему, был деревянный и однобрусный (свойственный не российской, а скорее, *британской* полевой артиллерии), с железной оковкой; на двух колесах, с железной ошиновкой и железной осью. Скорее всего, имел подъемный винтовой механизм и железные ручки по сторонам бруса.

Лафеты такого типа были стандартны для артиллерии Бухары, начиная с конца 1866 г. Все они красились в темно-зеленый цвет и были практически идентичны. В частности, именно на таких лафетах располагались орудия $\frac{3}{4}$ -фунт. (42 мм) и 1-фунт. (54 мм), появившиеся тогда же, образцы которых за инв. №02/18 и 02/22 значатся в каталоге ВИМАИВиВС и находятся в фонде. Кроме того, все лафеты легких орудий, как это видно из описаний материальной части, в этот период были унифицированы настолько, что *подходили ко всем* полевым и горным орудиям небольшого калибра, чего до 1866 г. у бухарцев не наблюдалось. А характерные особенности их устройства явно свидетельствуют о том, что в Бухаре сохранили уже имевшуюся у них британскую систему лафетов (т. е. – с одним брусом) и очевидно предпочитали ее российской. В подобном виде лафеты пушек и оставались до 1920 г., когда оба рассматриваемых орудия были захвачены Красной армией в арсенале Бухары.

Таким образом, оба орудия из собрания ВИМАИВиВС отражают все основные тенденции в усовершенствовании матчасти орудий стран Средней Азии во второй половине XIX – начале XX вв., как в отношении артиллерийских стволов, так и в конструкции их лафетов. В них явно видно очень сильное влияние как русских, так и британских военных специалистов, и новый уровень подготовки (технической грамотности, материальной оснащенности и т. д.) туземных производителей.

¹ См.: Заметка о бухарской и кокандской артиллерии и ручном огнестрельном оружии // Артиллерийский журнал 1867. № 3. С. 507; Пшпек и кокандская артиллерия // Артиллерийский журнал. 1861. № 12. С. 719; Участие 2-го взвода 1-й сибирской конноартиллерийской батареи при взятии крепостей Ура-Тюбе и

Джузак // Артиллерийский журнал. 1867. № 8. С. 1584, и т. д.

² Под инв. № 03/23. По рукописному каталогу Н.М. Байцурова ствол был атрибутирован следующим образом: «Ствол 5-дюймовой (82,5 мм) бронзовой пушки. Изготовлен в Бухаре в 1860–1870 гг. Калибр – 82,5 мм, нарезов 6 (системы Лагита), длина до торели 1454 мм, с винградом – 1650 мм. На стволе выпуклое изображение щита с восточным орнаментом и иностранной надписью “Делал мастер Пир-Назар”».

Состояла на вооружении в Бухаре в 1860–1870 гг. Поступила в музей в 1871 г. с Оренбургского склада, инв. № 03/23» – См.: Байцуров Н.М. Каталог материальной части иностранной нарезной артиллерии. Рукопись. Лист 102. (Так как к моменту написания статьи каталог еще не был принят, настоящий архивный номер учетной записи не присвоен). См. также: Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Артиллерийского музея. Ч. 3. СПб., 1889. С. 200.

³ Логофет Д.И. Страна безправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 71–72.

⁴ В двух ночных вылазках 28 и 30 декабря (по ст. стилю) 1880 г. / См.: 6-я горная батарея 21-й артиллерийской бригады в Закаспийской экспедиции 1880 и 1881 годов // Артиллерийский журнал. 1886. № 3. С. 286, 293.

⁵ Церпицкий Константин Викентьевич (1849–1906). Генерал-лейтенант (1900), участник завоевания Туркестана (кампании против Коканда 1873, 1875–1876, 1878) и штурма Геок-Тепе 1880 г. Участник Китайского похода 1900 г. и русско-японской войны. В период службы в Туркестане командовал 3-м Западно-Сибирским линейным батальоном (1877–1886).

⁶ Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1883. Т. 1. С. 552.

⁷ Гребнер А. Осады и штурмы средне-азиатских крепостей и населенных пунктов. СПб., 1897. С. 180.

⁸ Гребнер А. Указ. соч. С. 179–180.

⁹ Логофет Д.И. Указ. соч. С. 71.

¹⁰ Гребнер А. Указ. соч. С. 179–180.